

МЕНТАЛЬНОСТЬ КАК ДУХ КУЛЬТУРЫ

Решетникова Наталья Сергеевна, кандидат философских наук

Астраханский государственный университет
414056, Россия, Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: natalyareshetnikova@yandex.ru

Актуальность выбранной темы обусловлена устойчивым интересом со стороны отечественной культур-философской мысли, что указывает на значимость влияния обозначенного феномена на развитие российской цивилизации. Ментальность и культура цивилизации предстают как сложный взаимно детерминированный синтез духовных и материальных артефактов. В статье предпринята попытка изучения своеобразия российского менталитета в его соотношении с культурно-историческими особенностями, преломлении в чертах национального характера, реализации в философском дискурсе. Ментальные особенности российской цивилизации находят отражение в особенностях социальных процессов, идеологии, своеобразии института государственной власти, базовых ценностях, являются фундаментальными в историческом смысле и играют почти решающую роль в выборе направления общественного развития.

Ключевые слова: ментальность, культура, цивилизация, архетипы, языковая картина мира, национальное самосознание, глобализационные процессы

MENTALITY AS A SOUL OF CULTURE

Reshetnikova Natalya S., Ph.D. (Philosophy)

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: natalyareshetnikova@yandex.ru

Relevance of the chosen theme is led by strong interest on the part of Russian culture and philosophical thought, which indicates the significance of the influence of the phenomenon of Russian civilization development. The subject of discussion is a mentality and culture of the Russian civilization, which appear as a complex synthesis of the spiritual and material artifacts. The aim is to study the uniqueness of the Russian mentality in its relation of the cultural and historical features, breaking in terms of the national character, and its introduction in philosophical discourse. The results and conclusions of the article can be used in the study of the phenomenon of Russian civilization, spiritual and material foundations of its specificity. In conclusion, we emphasize that all the mental characteristics of Russian civilization, will be reflected in the features of the social processes, ideology, the uniqueness of government institutions, core values. Mental foundations of civilization in the historical sense are fundamental and play quite a decisive role in choosing the direction of social development.

Keywords: mentality, culture, civilization, archetypes, language as a reflection of culture, national identity, globalization processes

Основой этнокультурной картины мира любой цивилизации выступает так называемая социальная психология (В.В. Емельянов), или ментальность. Именно в ментальности, понимаемой как всеобщий характер какой-либо человеческой общности и изначальная движущая сила всех социокультурных процессов, сконцентрированы специфические особенности цивилизаций. Они формируются под воздействием первоначального пространства, в котором зарождается конкретный культурно-исторический тип [5, с. 33–40] и складываются представления о сакральном пространстве культуры, определяются эмоциональное отношение, ценностные свойства культурных артефактов [10, с. 13–19].

Таким образом, ментальность и культура цивилизации предстают как сложный взаимодействующий синтез духовных и материальных артефактов цивилизации, устойчивый интерес к которому со стороны отечественной философской мысли указывает на особую значимость их влияния на развитие российской цивилизации.

Начальной ступенью российской ментальности выступает уровень архетипов, или идеал-концептов (Н.А. Бутенко), или символов (А.Ф. Лосев). Они суммируют основные представления о Мире, выполняют функцию гармонизации пространства из первичного Хаоса и отражают процесс «...познания сущего, его скрытых глубин,

(которые) могут быть постигнуты не посредством сведения к логическим понятиям, а только в символе, в образе посредством силы воображения...» [11, с. 213].

Это действующие на уровне подсознания коллективные архетипы, сформировавшиеся еще в дохристианский период российской истории под влиянием географической, хозяйственной, социальной, политической, религиозной и культурной среды. Они отражаются в мифологии, в народном эпосе, праздниках и воспроизводятся как в религиозных, так и нерелигиозных институциональных формах [4, с. 19], находят свое отражение в философской рефлексии.

В качестве наиболее значимых идеал-концептов в русской культуре можно выделить следующие: «**Мать-земля**» («Мать-Россия», «Родная земля», «Святая Русь», «Родина», «Душа России»), которая выступает интегральным символом прафеномена *sacrum*¹ (И.А. Левяш) и выражает представление о сакральности и одухотворенности родового пространства, выстроенного вертикально и горизонтально, в котором нашло выражение сознание человека, живущего земледелием, ориентированное прагматически и магически [19, с. 170–181; 4, с. 15–17; 2, с. 48–49]. Составляющими этого концепта являются его отождествление с женским началом вселенной, отождествление самой русскости с женским элементом мироздания, антропоморфный характер – отношение к родному пространству как к матери или жене, в качестве принимающего и рождающего культурного лона, дарующего жизнь и благословляющего [2, с. 95–110; 8, с. 314–316; 9, с. 48; 16, с. 33]. «**Судьба**» как заданный свыше смысл человеческого существования, русская вариация недеяния, непротивления, подразумевающая отказ от активного творческого начала в созидании своей личности и жизни, тварность, страдательность и апелляцию к вышнему началу [2; с. 110–120]. «**Совесть**» («Правда», «Истина», «Справедливость») как представление о высшей правде, моральном, внутреннем, нравственном законе человека, носящем высший характер и не идентичном рациональному и переменчивому формальному «закону», поэтому познание правды воспринимается как деятельность не интеллекта, а «сердца» [14, с. 11; 6, с. 2–33; 3, с. 104]. Значимо, что старославянское слово «истина» выражало не только «сущее», но и «дышащее», т.е. знать истину означало войти в контакт с живой действительностью [17]. «**Любовь**» как основа творения, творческий акт, созидание, восстановление гармонии мужского и женского начала вселенной, духовное единение мира, высшее чувство, которому присущ в большей степени платонический, а не чувственный характер [18; 10, с. 6–9; 6, с. 2–33; 14, с. 125–129]. «**Община**» («Мы-сознание», «Соборность», «Всеединство», «Всечеловечность», «Коллективизм») – множество в единстве, возможное лишь на основе единых ценностей; категория, подразумевающая, что личность мыслит себя через групповую принадлежность, в том числе и в иррациональном, религиозном плане². В сознании русских жизнь всегда предполагала существование единства и общинность, по мнению философов, изначально обусловлена тем, что большая часть русской истории связана с доиндустриальными формами жизни, сельскохозяйственным производством, когда «жизнь человека протекает в непосредственном общении с сельской общиной, «миром», с которым он связан отношениями взаимной ответственности... Растворенная в общине личность чужда самостоятельности, новациям..., следует патриархальным традициям» [21, с. 24]. «**Терпимость**» как открытость иному, «широта души». Этот концепт является одним из аспектов смысла архетипов русского самосознания [21, с. 17] и связывается мыслителями с историческими особенностями генезиса российской цивилизации, происходившего на полиэтничной основе [10, с. 31–33; 20, с. 118–219; 4, с. 16]. «**Тоска**» – эта категория отражает теологический смысл миро-

¹ Об этом свидетельствует огромное множество русских пословиц, посвященных образу родной земли. См., напр., Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 2000. С. 206, 207, 209.

² См., напр., учение об идее *цельности* И.В. Киреевского; теорию *соборности* Хомякова А.С.; *общинности* К.С. Аксакова, учение о *соборной природе сознания* Н.С. Трубецкого; идею *всечеловечности русской культуры* Ф.М. Достоевского, теорию *космизма* Н.Ф. Федорова, *теорию всеединства* Вл. Соловьева, а также в церковно-богословских трудах С.Н. Булгакова и П.А. Флоренского; учение о *коммунитарности* как духовной черте русского народа Н.А. Бердяева.

воззрения и выражает невыносимое отсутствие смысла в жизни. Проблема смыслополагания человеческого существования подразумевает приоритет смысла над прагматизмом в русском характере, что порождает героическую силу и стойкость русского духа, но предопределяет его прагматическую слабость и историческую растерянность. «Дорога» как символ человеческой жизни, земного пути, духовных исканий, олицетворяющий русскую мятежность и неутолимость духа. Архетип дороги находит в русском менталитете и русской культуре достаточно мощное проявление как в феномене странничества, хождения, и отождествляется в этом случае с несением креста, христианского долга, иногда ухода от мира, так и в трагической форме – бегства или изгнания, т.е. странничества по принуждению [19, с. 183; 2, с. 43]. Мотив странничества, дороги является лейтмотивным в русской художественной культуре¹ и отражает духовные и социальные искания общества. «Воля» («Простор», «Приволье», «Ширь») – жажда абсолютной Божественной свободы (Н. Бердяев); характерное для русской культуры восприятие воли и простора как величайших эстетических и этических ценностей, распространяемое и на окружающий мир, и на мир человеческой души и подразумевающее состояние беспечности, блаженной погруженности в настоящее, ничем не ограниченной свободы, соединенной с простором и необъятностью пространства [10, с. 13–19]. «Удаль» («Силушка») – русское понятие храбрости, радостной, ничем не стесненной силы, состояние души, требующее внешнего выхода, причем далеко не всегда обусловленное практической необходимостью [10, с. 4].

Эти идеал-концепты формируют основу так называемой «русской картины мира», которой присущи несвойственные западному миропониманию категории, и передают ценностно-смысловое отношение к вселенной. Их анализ позволяет наблюдать господство иррационального начала как типично русского способа постижения мира. Эти мировоззренческие архетипы не только влияют на характер восприятия окружающего пространства, но и превалируют в стереотипах поведения, проявляясь в чертах национального характера.

Разумеется, базовые идеал-концепты трансформируются по мере исторического развития. Особенно активной трансформации они подвергаются в условиях современных глобализационных процессов, когда «уникальность национально ориентированной культуры ... уступает место унифицированным представлениям и стандартам, идеалы заменяются стереотипами, ... а картина мира, выступающая фундаментом культурного универсума (становится) фрагментарной и неопределенной» [13, с. 84]. В обыденном сознании идеальные образы-символы заменяются категориями в значительной степени утилитарными – личностного успеха, материального благополучия, которые начинают мыслиться в качестве универсального смысла существования.

Обозначенные процессы находят отражение и в языковой картине мира. Например, слова-этнонимы («русский»), традиционно обозначающие принадлежность к миру родной культуры, вытесняются лишенными аксиологического значения терминами («русскоязычный» или, в другом контексте, «отечественный»). На уровне языка можно даже наблюдать изменение эмоционального отношения к родине у русских: сравним, например, манеру говорить о своей стране по-русски («наша страна») и по-английски (this country). То есть, англичане в соответствии со своим национальным характером проявляют обычную сдержанность, называя ее нейтрально и несколько отдаленно. По-русски же до самого последнего момента сказать «эта страна» можно было только в самом негативном контексте, при этом подчеркивалось, что говорящий уже не соотносит себя с Россией. К сожалению, радикальные перемены, происходящие в мире и современной отечественной культуре, и активное приобщение к английскому языку приводит к принципиально новым номинациям и к изменению отношений, складывающихся у членов нашего общества с родиной [13, с. 88–90].

¹ Вспомним, напр., произведения русских художников – В.Г. Перова «Странник», И. Левитана «Владимирка», П. Соколова «В пути», В. Васнецова «Витязь на распутье», И. Крамского «Созерцатель», М. Шагала «Над Витебском» и писателей – «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, «Путешественик» В.А. Жуковского, «Беглец» А.Ф. Вельтмана, «Хождение по мукам» А.Н. Толстого и многие другие произведения, в основу которых положен мотив пути.

Таким образом, можно наблюдать, как происходит нарушение связи с национальным самосознанием.

Тем не менее, новые формы все же не отменяют прежних, глубоко укорененных, а накладываются на них, обеспечивая целостность ментальной структуры. Базовые идеал-концепты уходят на сакральный уровень и проявляются либо в сфере подсознательного, реализуясь в стереотипах поведения, чертах национального характера, либо в сфере «высокого искусства», либо в государственной идеологии.

Мировоззренческие архетипы, формируя национальный характер, запечатлеваются и на высших уровнях менталитета – в национальном и цивилизационном самосознании. Национальное (общественное) самосознание понимается в культурном, а не в этническом смысле, и содержит, в отличие от предыдущего уровня, представления общества о себе. Оно предполагает самовосприятие себя как целого, как носителя особого сознания. Особенностью национального самосознания выступает постоянное стремление к самоидентификации, ставшее важной национальной чертой, которая нашла отражение и на уровне философской рефлексии, в феномене постоянства русских поисков собственной идентичности.

Изучая формирование общественных представлений, философы отмечают, что основу русского национального самосознания составляет русская духовная культура как общее пространство концептосферы, и своеобразное ядро этой культуры – православное христианство [7, с. 18–21]. Для русского сознания религиозная характеристика Запада («латинство») доминировала над его национально-политическими и культурными особенностями, и почти неотделимой стеной отделяла Русь от Запада. В рамках менталитета православие сыграло основополагающую роль в формировании такого своеобразного ментально-культурного феномена, как мессианство (избранничество), в форме которого нашли выражения представления о собственной культурной уникальности. Под мессианством понимается заложенная в христианстве мессианская идея, в соответствии с которой собственное культурное своеобразие осознается как специфическая православная миссия [16, с. 39–52]. Исторически возникновение этого феномена восходит к известной мифологеме «Москва – Третий Рим», причем изначально идея имела только теологический смысл, т.е. обосновывала возможность русского государства быть прибежищем истинного христианства. Но затем произошло смещение акцента с религиозного на национально-идеологический. Это дает основание предположить, что уже в истоках русского национального самосознания зарождалась потребность вовлечения страны в общеевропейский ход истории на правах уникальности ее мессианской задачи. Н.А. Бердяев отмечает, что после народа еврейского, русскому народу наиболее свойственна мессианская идея, которая проходит через всю русскую историю вплоть до коммунизма [1, с. 12].

Идея мессианства выполняет в общественном самосознании функцию формирования образа культурной уникальности. С течением времени эта идея примет культурную парадигму и, несмотря на свою внутреннюю противоречивость, получит вполне конкретную реализацию – в отдельных проявлениях и вне религиозного контекста – в истории современной российской цивилизации.

Одним из аспектов утверждения самости является познание себя через образ Другого. В русской культуре этот аспект реализуется в философский дискурс о проблеме взаимоотношений с европейской культурой, о культурно-историческом призвании русского народа, о поиске культурных связей с европейскими народами, определении места России в европейской цивилизации. Он станет ведущим мотивом русского самосознания, выльется в спор славянофилов и западников о судьбе России, разовьется в идею высшего культурного синтеза. В отечественной философской мысли в зависимости от исходных теоретических посылок проблема Россия – Европа как проблема Судьбы и осмысления места России во всемирной истории будет решаться множеством разных способов: в русле мессианских идей и противопоставления России и Запада (концепции П.Я. Чаадаева и славянофилов). В этом случае ее решение носит метаисторический характер; как идеи справедливого социального устройства, переродившиеся в утопически-мессианские, (западниками, представителями социалистических течений, «теории прогресса» и русского марксизма); в русле

проблемы культурной миссии России в качестве особого исторического типа (евразийцами, Н.Я. Данилевским и К.Н. Леонтьевым). Согласно подобным концепциям, Россия должна стать центром восточнославянской культуры. Еще один подход к проблеме самопознания через образ другого решается в отечественной философии в аспекте мессианской идеи, сопряженной с идеей единства общечеловеческой культуры. Подобный подход характеризует взгляды Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева. Их концепции объединяет стремление к культурному и духовному единению России и Европы, взгляд на Россию как на потенциальный духовный центр мира, целостное единство Востока и Запада. Предвестником философии культурного синтеза и примирения различных начал выступили взгляды К.Н. Леонтьева и идеи, высказанные еще И.В. Киреевским.

Как видим, проблема самопознания как проблема русского пути и взаимоотношения России и Европы развивается в отечественной философии от противопоставления и преодоления западной цивилизации к идее цельности мира, чрез выделение России в отдельный культурно-исторический тип. В этой эволюции проявляется стремление к преодолению одномерности оппозиции Запада и России, выявляя синтезированное богатство всего спектра нюансов. Идея ментальной цельности мира присуща современным мыслителям, считающим, что более плодотворно и перспективно акцентировать не осознание отличий, во многом более «кажимых», чем сущностных, а осознание ценностно-смысловой общности – надежного гаранта не только взаимопонимания, но и взаимного восприятия России и Европы как «Своего-другого» [9, с. 43].

Своеобразной ментальной чертой русской культуры выступает отношение к прошлому. Оно традиционно выстраивается в антитезе идеализация – забвение. Эта противоречивость подразумевает отношение к национальному прошлому либо как к «Золотому веку», либо полное отрицание предшествующего культурно-исторического периода. Но и в том, и в другом случае оно сопровождается ощущением полного культурного «разрыва», начала истории «с нуля». Подобный феномен наблюдается на протяжении всей российской истории. Каждый последующий период развития культуры в российской истории является своеобразным самоотрицанием периода предшествующего. Так, Московская Русь отказалась от Руси Новгородской, а Петербургская Россия стремилась к разрушению культуры Московской Руси. Советская Россия отрицала наследие Российской империи, а современная нам Россия отвергла многие достижения русской культуры советского периода.

На уровне массового сознания это находит отражение в тенденциях формирования негативного образа прошлого. Но при этом одновременно существует значимая часть общества, которая идеализирует предшествующий период, усматривает причины неблагополучия в современных преобразованиях. Свое выражение эта ментальная особенность находит и на уровне философской рефлексии – как в осознании отсутствия культурной преемственности, так и в идеализации и неприятии прошлого.

Подобное выстраивание взаимоотношений с собственным прошлым феноменально из-за ощущения культурного разрыва, из-за национальной памяти, желающей помнить отдельные героические моменты прошлого, забывающей о самой важности исторической памяти – коллективных представлений об общем прошлом.

Национальное самосознание выступает фундаментом для высшего уровня ментальности – формирующегося цивилизационного самосознания, отражающего общие цивилизационные интересы. В его основе лежат фундаментальные ценности общества – религиозные, патриотические, мировоззренческие, национальная идеология. Основными принципами цивилизационного самосознания выступают: видение социальной реальности как многомерной, ориентация на преемственность социальных изменений, ненасилие как способ решения социальных проблем, диалогизм социального мышления [21, с. 24] и др.

Все ментальные особенности российской цивилизации находят отражение в особенностях социальных процессов, идеологии, своеобразии института государственной власти. Таким образом, социокультурные, ментальные основы и предпосылки социальных движений, несмотря на то, что не отделимы от социально-

экономических и политических основ и предпосылок, являются фундаментальными в историческом смысле, и играют почти решающую роль в выборе того или иного направления общественного развития. «Часто они оказываются факторами, ускоряющими социально-экономические преобразования, а иногда и тормозящими. Именно ментальные особенности помогают увидеть целостность развития отдельного социального организма в социокультурном аспекте как локальной цивилизации...» [12, с. 16]. И действительно, ментальные основания, которые являются едиными для всех членов общества и позволяют рассмотреть его как нечто целостное, формируются на протяжении всей истории цивилизации, влияют на образ жизни, в том числе и современный, деятельность, тип социального мышления.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев. – М. : АСТ, 2007. – 286 с.
2. Бердяев Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев. – М. : АСТ, 2005. – 333 с.
3. Брода М. Русские вопросы о России / М. Брода ; пер. с пол. М. Гульчина. – М. : МАКС Пресс, 2005. – 301 с.
4. Бутенко Н. А. Русский этнос и российская цивилизация : социально-философское исследование цивилизации : автореф. дис. канд. ... филос. наук : 09.00.01 / Н. А. Бутенко. – Новосибирск, 2003. – 19 с.
5. Емельянов В. В. Древний Шумер. Очерки культуры / В. В. Емельянов. – СПб. : Изд-во «Азбука-классика»; «Петербургское Востоковедение», 2003. – 320 с.
6. Ильин И. А. О грядущей России. Избранные статьи / И. А. Ильин. – М. : Воениздат, 1993. – 368 с.
7. Ильинская С. Проблемы формирования российского самосознания / С. Ильинская // Космополис. – 2006–2007. – № 2 (16). – С. 31–48.
8. Крючкова Е. В. Влияние американского феминизма на формирование женского образа в Нью Эйдж / Е. В. Крючкова // Семья и женщина в современном мире : социальные и культурные аспекты : мат-лы Международной научной конференции (Минск, 2 февраля 2012 г.). – Минск : Право и экономика, 2012. – С. 314–316.
9. Левяш И. Я. Русские вопросы о России. Дискурс с М. Бродой / И. Я. Левяш. – М. : Лабиринт, 2007. – 288 с.
10. Лихачев Д. С. Заметки о русском / Д. С. Лихачев. – М. : Советская Россия, 1981. – 62 с.
11. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура / А. Ф. Лосев. – М. : Политиздат, 1991. – 525 с.
12. Матвеева И. В. Русский народ как социокультурная целостность : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / И. В. Матвеева. – Новосибирск, 2005. – 22 с.
13. Отургашева Н. В. Проблема культурной идентичности в условиях глобализации / Н. В. Отургашева // Фундаментальные проблемы культурологии / отв. ред. Д. Д. Спивак. – М.-СПб. : Новый хронограф, Эйдос, 2009. – Т. 7 Культурное многообразие : теории и стратегии. – С. 83–92.
14. Платонов О. А. Русская цивилизация / О. А. Платонов. – М. : Роман-газета, 1995. – 224 с.
15. Розанов В. В. Религия. Философия. Культура / В. В. Розанов ; вступ. ст., коммент., указ. имен А. Николокина. – М. : Республика, 1992. – 399 с.
16. Сиземская И. Н. Мессианиззм как форма русского самосознания / И. Н. Сиземская // Философские науки. – 2008. – № 7. – С. 39–52.
17. Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал / В. С. Соловьев // Сочинения : в 2 т. – 2-е изд. – М. : Мысль, 1990. – Т. 1. – 756 с.
18. Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве / В. С. Соловьев. – М. : Мысль, 1990. – 315 с.
19. Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 2-е изд. – М. : Академический проект, 2001. – 990 с.
20. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана / Н. С. Трубецкой. – М. : Аграф, 2000. – 560 с.
21. Чупина Г. А. Современное цивилизационное мышление и российский менталитет / Г. А. Чупина, Е. В. Суворовцева // Социально-политический журнал. – 1994. – № 9–10. – С. 24–30.

References

1. Berdyayev N. A. Russkaya ideya / N. A. Berdyayev. – M. : AST, 2007. – 286 s.
2. Berdyayev N. A. Sudba Rossii / N. A. Berdyayev. – M. : AST, 2005. – 333 s.
3. Broda M. Russkie voprosy o Rossii / M. Broda ; per. s pol. M. Gulchina. – M. : MAKS Press, 2005. – 301 s.

4. Butenko N. A. Russkiy etnos i rossiyskaya tsivilizatsiya : sotsialno-filosofskoe issledovanie tsivilizatsii : avtoref. dis. kand. ... filoz. nauk : 09.00.01 / N. A. Butenko. – Novosibirsk, 2003. – 19 s.
5. Yemelyanov V. V. Drevniy Shumer. Ocherki kultury / V. V. Yemelyanov. – SPb. : Izd-vo «Azбуka-klassika»; «Peterburgskoe Vostokovedenie», 2003. – 320 s.
6. Ilin I. A. O gryadushchey Rossii. Izbrannyye statii / I. A. Ilin. – M. : Voenizdat, 1993. – 368 s.
7. Ilinskaya S. Problemy formirovaniya rossiyskogo samosoznaniya / S. Ilinskaya // Kosmopolis. – 2006–2007. – № 2 (16). – S. 31–48.
8. Kryuchkova Ye. V. Vliyaniye amerikanskogo feminizma na formirovaniye zhenskogo obraza v Nyu Eydzh / Ye. V. Kryuchkova // Semya i zhenshchina v sovremennom mire : sotsialnye i kulturnye aspekty : mat-ly Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Minsk, 2 fevralya 2012 g.). – Minsk : Pravo i ekonomika, 2012. – S. 314–316.
9. Levyash I. Ya. Russkie voprosy o Rossii. Diskurs s M. Brodoy / I. Ya. Levyash. – M. : Labirint, 2007. – 288 s.
10. Likhachev D. S. Zametki o russkom / D. S. Likhachev. – M. : Sovetskaya Rossiya, 1981. – 62 s.
11. Losev A. F. Filosofiya. Mifologiya. Kultura / A. F. Losev. – M. : Politizdat, 1991. – 525 s.
12. Matveeva I. V. Russkiy narod kak sotsiokulturnaya tselostnost : avtoref. dis. ... kand. filoz. nauk : 09.00.01 / I. V. Matveeva. – Novosibirsk, 2005. – 22 s.
13. Oturgasheva N. V. Problema kulturnoy identichnosti v usloviyakh globalizatsii / N. V. Oturgasheva // Fundamentalnye problemy kulturologii / otv. red. D. D. Spivak. – M.-SPb. : Novyy khronograf, Eydos, 2009. – T. 7 Kulturnoe mnogoobrazie : teorii i strate-gii. – S. 83–92.
14. Platonov O. A. Russkaya tsivilizatsiya / O. A. Platonov. – M. : Roman-gazeta, 1995. – 224 s.
15. Rozanov V. V. Religiya. Filosofiya. Kultura / V. V. Rozanov ; vstup. st., komment., ukaz. imen A. Nikol'yukina. – M. : Respublika, 1992. – 399 s.
16. Sizemskaya I. N. Messianizm kak forma russkogo samosoznaniya / I. N. Sizemskaya // Filosofskie nauki. – 2008. – № 7. – S. 39–52.
17. Solovev V. S. Kritika otvlechennykh nachal / V. S. Solovev // Sochineniya : v 2 t. – 2-e izd. – M. : Mysl, 1990. – T. 1. – 756 s.
18. Solovev V. S. Chteniya o bogochelovechestve / V. S. Solovev. – M. : Mysl, 1990. – 315 s.
19. Stepanov Yu. S. Konstanty : slovar russkoy kultury / Yu. S. Stepanov. – 2-e izd. – M. : Akademicheskii proekt, 2001. – 990 s.
20. Trubetskoy N. S. Nasledie Chingiskhana / N. S. Trubetskoy. – M. : Agraf, 2000. – 560 s.
21. Chupina G. A. Sovremennoye tsivilizatsionnoye myshlenie i rossiyskiy mentalitet / G. A. Chupina, Ye. V. Suvorovtseva // Sotsialno-politicheskiy zhurnal. – 1994. – № 9–10. – S. 24–30.

РАЦИОНАЛЬНОЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ В ЭСТЕТИКЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ ИМАЖИНИЗМА

Исаев Геннадий Григорьевич, доктор филологических наук, профессор

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: kafruslit@mail.ru

В статье рассматривается соотношение в эстетике и художественной практике имажинистов рационального и эмоционального начал. На основе анализа теоретических работ имажинистов и их творчества делаются следующие выводы: в эстетических декларациях и манифестах, в художественном творчестве они отстаивают приоритет рационального над эмоциональным, но в стихах и поэмах последовательно эту концепцию они не воплощают, имеет место постоянные отступления в сторону доминирования эмоциональных концептов. Нередко диалектика рационального и эмоционального становится темой творчества, невозможность жить без эмоционального определяет внутреннюю драму их лирического героя.

Ключевые слова: авангардизм, имажинизм, рациональное, эмоциональное, телесность, лирический герой, интенциональность